

ПЯТЬДЕСЯТ восемь лет писательского труда Льва Николаевича Толстого были отмечены ожесточенными преследованиями со стороны жандармов и цензуры. В отделе рукописей Государственного музея Толстого в Москве мне представилась возможность познакомиться с делом департамента полиции о великом писателе.

Дело об «отставном артиллереи поручике графе Л. Н. Толстом», начатое в первом десятилетии его литературной деятельности, — это своеобразный перечень «преступлений» Льва Николаевича: граф Толстой ведет пропаганду среди своих бывших крепостных, будучи мировым посредником, он всегда держал сторону крестьян в их тяжбах с помещиками и таким образом выигрывал «неправые» дела.

Значительно выросло в объеме полицейское дело о Л. Н. Толстом в 1891 — 1892 годах, когда в России разразился страшный голод. Писатель поселился тогда в Бегицевке Рязанской губернии, в поместье своего друга Ивана Ивановича Раевского, чтобы устраивать для голодающих столовые. И было это как раз в то время, когда многие помещики, испугавшись голодных бунтов и эпидемий, бежали из своих поместий.

К концу 1892 года в Епифанском и Ефремовском уездах Тульской губернии и в Данковском уезде Рязанской губернии вместе со своими помощниками Толстой открыл 212 даровых столовых, а его сын Лев Львович в Самарской губернии — 200 столовых.

Исправник Данковского уезда Праль обратился за помощью к рязанскому губернатору:

«Не изволите ли признать полезным прислать в распоряжение мое несколько верных чинов полиции и корпуса жандармов для негласного исключительного наблюдения за действиями графа и его окружающих».

И департамент полиции выделил 300 рублей на содержание при графе Толстом агента. Находился он, видно, в доме, где жил Лев Николаевич. В «деле» аккуратно подшит конверт письма, присланного из Колорадо, не-

брежно надорванный, скончанный и, должно быть, брошенный в корзину. Снять копию с этого письма агенту, очевидно, не удалось.

Однимилец писателя министр внутренних дел Д. А. Толстой разработал чудовищный план заточения писателя в Суздальский монастырь. Однако царь Александр III объяснил министру, что правительство в свете мирового общественного мне-

модержавия, капитализма и церкви, Толстой ответил синоду, что взгляды свои переменить не может, «как не может летающая птица войти в скорлупу того яйца, из которого она вылетела...».

В Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде буквально на днях я увидела в фонде Петербургского цензурного комитета документ о запрещении в 1901

опасно заболевшего Толстого, написал жене, что, сообщая о здоровье Толстого, будет называть его «дедушкой» — иначе письма не дойдут.

С беспокойством следило правительство за состоянием здоровья Толстого, опасаясь в случае его смерти новой волны антиправительственных демонстраций. Писатель был жив, а министр внутренних дел телеграфировал сек-

суде кончины графа Толстого и перевезения его тела в Ясную Поляну — подготовьте отряды полицейской стражи для недопущения открытых демонстраций и противоправительственных выступлений».

Правительство било тревогу по всей стране. Станция Астапово напоминала военный лагерь: жандармы, полицейские, переодетые агенты охраны. Инкогнито приехал вице-директор департамента полиции Харламов.

Рязанский и тамбовский епископы пытались проникнуть к Толстому. Это был момент величайшего кощунства и обмана, когда, по выражению Ленина, «святейшие отцы... проделали особенно гнусную мерзость, подсылая попов к умирающему, чтобы надуть народ и сказать, что Толстой «раскался»».

7 (20) ноября 1910 года Толстой умер.

«В шесть часов утра Толстой скончался без покаяния» — телеграфировал рязанский губернатор в министерство внутренних дел.

Московский градоначальник издал секретное распоряжение установить наблюдение за магазинами, продававшими венки, чтобы на лентах не было революционных надписей, запретил «убирать здания трауром» и распорядился следить за всеми частными собраниями.

Московская и тульская полиция сбивалась с ног — не случилось бы чего: собраний, демонстраций на могиле Толстого. Четыре года, как свидетельствуют документы охраны, на могиле были постоянные дежурства филеров.

...Как и опасалось правительство, в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Одессе произошли антиправительственные демонстрации.

Запреты сочинений, преследование людей, чтивших память Толстого, — все оказалось ничем перед мощью гения, перед любовью народной к своему великому писателю.

...Прошло шестьдесят лет... И время, не затупевшая философия, показывает нам гениального писателя и гуманиста во весь его гигантский рост.

С. ЭНГЕЛЬ

ДЕЛО О ПОРУЧИКЕ Л. Н. ТОЛСТОМ

НЕДАВНО ВСЕШ МИР ОТМЕТИЛ ДЕНЬ ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ Л. Н. ТОЛСТОГО. НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ РАССКАЗЫВАЕТ ОБ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ, СВИДЕТЕЛЬСТВУЮЩИХ О ПРЕСЛЕДОВАНИИ ГЕНИЯ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЦАРСКОЙ ПОЛИЦИЕЙ И ЦЕНЗУРОЙ.

ния предстанет в жалком виде, а Толстой — мучеником, что еще более увеличит ряды его приверженцев.

Последний царь, Николай II, был менее дальновиден: он допустил в 1901 году отлучение святейшим синодом Толстого от церкви.

Эта попытка самодержавия и высшего духовенства «наказать» писателя вызвала волну возмущения во всем мире. В Ясную Поляну летели со всех концов Вселенной телеграммы с выражением солидарности даже от священников и аббатов. В течение многих месяцев являлись к писателю депутаты от студентов, рабочих, чиновников. На художественной выставке в Петербурге Толстому была устроена овация; на площадях Петербурга, Москвы и других городов состоялись демонстрации протеста.

В. И. Ленин сказал об отлучении Толстого от церкви: «Тем лучше. Этот подвиг зачтется ему в час народной расправы с чиновниками в рясах, жандармами во Христе...».

Толстой написал ответ на послание синода об отлучении, который, разумеется, по условиям цензуры в России напечатан быть не мог... Он появился впервые за границей.

Великий обличитель са-

модержавия, капитализма и церкви, Толстой ответил синоду, что взгляды свои переменить не может, «как не может летающая птица войти в скорлупу того яйца, из которого она вылетела...».

В Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде буквально на днях я увидела в фонде Петербургского цензурного комитета документ о запрещении в 1901

году XXXIII тома Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона в связи с тем, что в статье о Толстом приводится выдержка из его ответа синоду. Запрещение мотивировалось тем, что «изложение еретических взглядов Толстого даже в научном издании может принести значительный вред читателям, особенно молодежи...» (том в конце концов вышел, но выдержка из ответа Толстого синоду была изъята).

Представление цензурного комитета пошло в Главное управление по делам печати, где постыдились церковного выражения «еретические взгляды» и переделали слово «еретические» на «теоретические».

Почти все, что выходило в ту пору из-под пера Толстого, запрещалось. Трудно поверить, что одиннадцать лет была под запретом «Власть тьмы», а «Плоды просвещения» император находил «писесой, неудобной для публичного исполнения» и милостиво разрешил разгравать ее только любителям. Отдельные сочинения Толстого конфисковывались до 46 раз.

Полицейская слежка за Львом Николаевичем дошла до величайшей крайности. Антон Павлович Чехов, посещавший в Ялте

ретно обер-прокурору синода:

«...Мною сего числа разрешено таврическому губернатору выдать свидетельство на перевоз тела графа Толстого из Ялты в Ясную Поляну...».

Панихиды по Толстому синод запретил.

Газеты заранее заготовили некрологи.

...Толстой умер через семь лет. Никогда, кажется, ни за одним умирающим человеком жандармы не вели столь откровенного наблюдения, как это произошло с Толстым после того, как ночью 28 октября 1910 года он ушел из дома.

Несколько дней местопребывание его было тайной. Раскрыла ее газета «Русское слово» в заметке «Благодарность тульского губернатора жандармскому ротмистру Жемчужникову за быстрый розыск Толстого».

Полицейское дело о Толстом особенно разбухло, когда он умер в доме притившего его начальника станции Астапово И. И. Озолина.

Министр внутренних дел отправил рязанскому губернатору (в его ведении было Астапово) шифрованную телеграмму: «...Предпринять предупредительные меры». Тульскому губернатору министр телеграфировал: «В

„Сов. Россия“ 8 декабря 1940